

ственной инициативе и носящего публично правовой характер. Естественно, этот институт должен был противостоять частному попечению и усиливать свойственную византийскому политико-правовому сознанию тенденцию к четкому разграничению функций государственного публично-правового управления и частноправовой деятельности и соответствующих доходов. О том, что прония с самого начала предполагала попечение ее получателя над известной территорией, свидетельствуют, по-видимому, не только *τὰ προνοιατικά* трактата об обложении и *τὰ προνοιατικά δίκαια* практиков XIV в., т. е. сведения источников, сравнительно недавно привлеченных для изучения интересующего нас института, но и давно известное упоминание о пронии у Анны Комнины: «*ἀλλὰ τις ἐξαριθμῆσαι δύνησιντο τοὺς καθ' ἡμέραν ἐσθίουτος ἢ τὴν ἐκάστην δαπάνην καὶ τὴν γενομένην εἰς ἕκαστον πρόνοιαν. . . ἐκεῖνος γὰρ ἀφορίζεται ἀπὸ γῆς καὶ θαλάττης αὐτοῖς προνοίας*»¹⁹ В этом фрагменте прония встречается дважды и в разных значениях. С одной стороны, это та прония, которую император осуществляет по отношению к подданным, а с другой, — та, которая, так сказать, отчуждена, отделена (*ἀφορίζω*) в пользу отдельных лиц, пожалована им.

Права попечения, хотя непосредственно и распространялись на землю, но реализуясь в получении налогов с крестьян, превращались в совокупность прав в отношении этих последних. В этом смысле характерны недавно опубликованные практики 1321 г., содержащие описание владений в феме Фессалоники, пожалованных в икономию членам фессалоникийского аллагия (военного подразделения) Михаилу Савантзи и Николаю Марули. Среди их владений преобладают держания зависимых крестьян-париков²⁰.

Право прониаров на получение налогов с территории позволило греческому ученому Н. Икономидису провести определенные параллели между пронией и налоговым иммунитетом. Но такое сходство было чисто внешним. В юридическом отношении прония и иммунитет — понятия диаметрально противоположные. Прония — это передача функций публично правового попечения, а налоговый иммунитет — привилегия, предоставляемая собственникам земли²¹.

Итак, представления о пронии, по-видимому, непосредственно дедуцировались византийцами из постулатов официальной политико-правовой теории. Возможно, именно поэтому она не нашла четкого юридического оформления в византийских правовых документах, но рассматривалась как институт, вполне согласующийся с существующим правопорядком. Однако то обстоятельство, что она представляла собой попечение, связанное с управленческими функциями (икономия) по отношению к населенной зависимыми крестьянами территории, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в институт типа бенефиция, а затем и лена²².

Предпосылки этой эволюции содержались уже в пронии IX—XII вв., отражавшей специфичность византийской социально-политической системы и противоречивый характер внутренней политики императоров. Но наличие соответствующих тенденций в ранней пронии становится особенно заметным благодаря ретроспективному изучению документов эпохи

¹⁹ *Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias*. Lipsiae, 1884. II. 292.22—25.

²⁰ *Actes de Xénophon* / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1986. N 15. P. 139—140; N 16. P. 143—144. В этом плане интересны и другие практики прониаров. См.: *Schreiner P.* Zwei unedierte Praktika aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts // *JÖB*, 1970. 19. P. 33—49. О них см.: *Oikonomidès N.* Notes sur un praktikon de pronoiaire // *Travaux et Mémoires*. P., 1973. 5. P. 335—346.

²¹ *Oikonomidès N.* The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th Centuries // *Charanis Studies*. New Brunswick, 1980. P. 178.

²² *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologio Libri tredecim* / Ed. J. Bekker. Bonnæ, 1855. Vol. 1. P. 97.21; *Острогорск Г.* Прония. . . С. 124—127; *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа. . . С. 99, примеч. 171. Наследственные права в отношении территории в правосознании византийцев связывались с родовой собственностью. См.: *Gregoras N.* *Byzantina Historia*. Vol. 1. P. 233.18.